

к.р.
63.3(2Р-4Рв)

Б-126

Ученое отделение Общества Исследо-
ваний Рязанского края

Вып. I.

Бабинин И. В.

Краткие очерки из историчес-
кого прошлого нашего края

(г. Михайлов и его уезд до XVIII в.).

г. Михайлов, Рязан. губ.

Типография коллектива работников

1937 г.

2(с) / 1 смх
6-126

48

63.3/2P-
124751

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти краткие очерки— есть сокращенное изложение докладов, читанных мною в Михайловском отделении общества исследователей Рязанского Края, на конференциях учителей в Михайловском уезде и в клубе для широкого круга населения. Предлагаются они гл. образом для учителей и учащихся. Цель их—облегчить немного познание прошлого своего края, а если удастся, то и заинтересовать этих прошлым и вызвать своим силам для более глубокого и широкого изучения тех мест, среди которых мы живем и работаем.

В тексте не указаны те источники, которые мне пришлось использовать, но в предисловии считаю нужным указать их: „Россия“ 3 т. Семезова, „Географический словарь“ Семезова, „Энциклопедический словарь“ Брокгауза и Ефрона, „История Государства Российского“ Карамзина, „История России“ Соловьева, „Очерки по истории русской культуры“ Милославина, „Областные учреждения России“ Чичерина, „Сводная летопись“, Баранович, „Описание Рязанской губ.“, „Алты Археологической комиссии“, „Историко-статистич. опис. деревень и монастырей Ряз. губернии“ Добролюбова, различные труды, издаваемые Рязанской архивной комиссией, различные труды, выпечатанные в „Временнике Московск. Общ. истории и древностей Российских“, а „Архиве историко-юридических сведений относящихся до России“ под ред. Калачева, а Евразийских ведомостей и в других сборниках. Использованы некоторые архивные материалы в архиве собора и гор. Управы документов. Общее ознакомление с различными местами уезда и города. Свои очерки я не считаю трудом самостоятельным. Они не планы, есть, без сомнения, и ошибки в них. Но если они помогут немного пробудить интерес и криведеление и заинтересуют хотя бы немногих, то цель будет достигнута. Думается, что и те, кто больше знает наш край, и кто имеет возможность использовать первоисточники, не осудят за погрешности, а напротив, помогут указать их и дополнить эти очерки новыми сведениями. В дальнейшем Отделении предполагается издать ряд брошюр про современное состояние края в других очерках.

99131.

2 мая 1927 г.
г. Михайлов.

М. Байков.

I. Природа нашего края в прошлом.

Посылайте вы из нашего города в любую сторону и как бы Вы медленно не ехали, не пройдет и часа, как уже попадетесь вам на пути более или менее людное селение, а кроме того и по сторонам дороги вы будете видеть по одну и по два селения за этот час, а значительно более. Между вы также будете находить нарядно засаженные дороги. Редко попадетесь вам болотце или речка; в течении ряда часов вы можете не увидеть ни одной рощицы, хотя бы и маленькой.

Едущий по дороге крестьянин или едущая на базар баба вам обязательно покажут.

Ни одна мура не потревожит вам дорогу. Случайно если попадетесь мяду как высушит сплю морданку на нору суслика.

Ни то было лет 800—600 и даже менее тому назад. Место населения и прутьина была земля по обоим берегам нашей реки Прони, более многоводной тогда, чем сейчас, и более богатой рыбой и зверем. Древомы леса росла тогда свободно. Они всяком питали нашей нелю Пронию и ее притоки, и болота, и малыеже слери. Много зверя водилось в этих лесах.

Чтобы быть доказательным, давайте поупражняе как следует и взглянем некоторых соловей в нашем уезде. (Все время идет речь о быв. Михайловском уезде в его границах до 1924 г.)

Вот дер. Ольшовец, рядом почти с ней дер. Подобреево, по книгам 17 в. Голубовский; 18 в. д. д. Васьки, Лесовы, Аубянка, с. Подлесное, Березовое, Дубовицкие дутера, Дубовицки и т. п. О чем говорят они, как во о ильчии в прошлом лесных богатств. Вот село Огибалово; там жив оль 221/41.

до от помещика, стольника Огудалова, а раньше называлось „Альби Кря“. А вот еще интересное! село Липки, не далеко от истока Доброго Печая, окрут этих сел на десятках и больше берде аз указал на одной самой маленькой рощице а различия между тем определенно напоминают нам о липовых лесах, об ивнянках в этих местах, о липовом меду.

„Татарки с Боярнами преселись, и слава богу“, лет сто тому назад еще жила поселница в наших краях. Сейчас около этих болотей (Татарское и Боярничье) лесу уже нет, а раньше было много, почему созданы названные поселницы, так как неизбежно было садить около лесов, тянувшихся по дороге около этих селений; не может ли связь с этим, между прочим, в второе названное с. Татарского—Одеричью?

Чтоб быть более убедительным, приведен и некоторые цифры про лесную площадь и уезде: за недалекие от нас время, в генеральном межевании (1778 г.) лесов было в нем около 45 тыс. десятин, пред освобождением крестьян (1857 г.) оставалось 13 ¹/₂ тыс. дес., т. е. 34,5 ¹/₂, а в начале XX века имелось около 7,2 тыс., т. е. уже всего 16 ¹/₄ того, что было 150 лет тому назад. А сколько лесов погибло еще раньше! Среди лесов без сомнения встречаются дубняки. Их наличием можно легко объяснить существование таких названий у некоторых селений в уезде, как те: Луяни, Поляны, Тресоле и т. д., встречающиеся у нас.

Нашим торфяникам, мроточисленным у нас, опять говорят о лесу, т. е. в них и сейчас встречаются сохранившиеся дубы, ольха, береза. Эти же торфяники указывают на присутствие и болот в прошлом, каких среди лесов понадалось не мало. В пример. км. 1616 г. упоминается „Мурано“ болото в окрестн с. Митавна, Землинское, с. Мошка, с. Мошково, Журавлевки, Чибизовки и т. д. не говорят ли опять об этом?

Эти леса должны быть богаты зверем. Известно, что мехами зверей велась торговля в Рязанской земле. Из грамот князей Рязанских, наприм. в. км. Михаила Ярославича от 1403 г. видно, что бобры водились по берегам Прона. Росо лесов очень часто встречаются у нас в районе в разных местах. С. с. Горностаявка, Бобрики, Зайчино и некоторые названия урочищ указывают опять на большое богатство зверем, чем в настоящее время. О богатстве же рыбой реки Прона, мелющей от истечения лесов на наших глазах, рассказывали и сейчас иногда рассказывают еще старики.

Естественные пески („борные ухаки“) были в достаточном количестве среди лесов отсюда и понятны будут названия некоторых селений, приведенные выше.

Для характеристики природы приведу в конце слова митр. Пимона, скитавшего к верховью Дона недалеко от наших мест в 1388 г., т. е. после уже татарского погрома и так описавшего то, что видел: „Нигде бо видети человека, точно пустыня велика, и зверей множеством коом, лосе, волцы, лисцы, выдры, медведи, бобры, птицы, орны, гуси, лебеди, жаровы и прочая, и бша вся пустыня велика“.

II. Жители нашего края в прошлом.

Лес представляла много удобств для жизни старинного человека. В нем последний мог всегда найти себе все необходимое: и жилище, и пищу, и воду. Но все же страшно было жить в самой лесной чаще. Поэтому человек старался поселиться на тех лужайках и полянках разной величины, какие среди леса всегда встречаются. Эти полянки по старинному назывались „полями“. Найти среди леса, в котором не было тропинок и дорог, „поля“—трудно.

Чтоб найти такие удобные, места старинный человек двигался по единственно удобным путям сообщения тогдашнего времени—рекам и речкам, более многоводным, широким и глубоким в то время, чем сейчас.

А так как „поля“ встречались редко, то он селся еще и на высоких берегах рек.

Вот почему мы и встречаем все старинные поселения в Рязанской губ. и в частности нашем уезде по берегам рек (Оки, Провы, Остры и др.) и вблизи их.

В частности, часть Ряз. губ., замкнутая в воде трехугольником между р.р. Окой, Провой и Острым, была особенно хорошо заселена. Этот трехугольник, замкнутый большими реками, имеет и имел много других речек, притоков этих рек; не выходя за пределы нашего уезда можно указать: Вожу, Исью, Жрыку, Локно, Кердь, Пашету, Кудесню, Пашевую и др.

Присутствие наиболее древних колоний и находившие городища гал. обр. вблизи этих рек вполне подтверждают мнение, что в старину жители у нас расселялись, как и везде, по рекам. Кто же жила здесь? Сейчас уже общепризнано, что до прихода славян жила здесь финские племена восточной группы. Явных следов их не осталось у нас, но названия некоторых мест скажут нам об этом все что.

Отсюда взялись такие названия в Ряз. губ.: Мецера (Завокская часть), с. Мецеровое в б. Провском уезде, Мецеровский городок (соврем. Каскиса), с. Мецеровые выс. (в нашем уезде) и др., как не от мецеры, финского имени. Точно так же и с другим племенем, „мери“, говорят названия некото-

рых славян: Мервино (под Рязанью), Меретино в Рязанском уезде, ныне село Подзное, ранее называвшееся Мерьгутовым. В справочных книгах 1616 г. около этого села упоминается и лес Мерьгутовский.

Было много и морды. Селения, речки, пустоши и урочища, говорящие о последнем племени, можно встретить и у нас и почти в каждом соседнем с нами уезде: Мордники, Морднок, Мордино, Мордино и т. д.

Много названий, особенно рек, совершенно непонятны для нас, т. е. нерусского происхождения (Пара, Верда, Вожа, Исы, Жрака).

В документах 16—17 в. в. на ряду с другими, упоминается Моравский стан, в который входила б. ч. нашего уезда. Ни одного из корней этих слов со словом морда? Наконец нужно заметить, что некоторые исследователи самое слово Рязань связывают с мордой; раньше с тем же народом торговали народы прикаспийских стран называли и морду и обширную ими область словом „Дриань“, которое, возможно обратилось в Рязань, а потом и в Рязань.

В I веке по Р. Х. Римский историк так описывает финнов: „у них нет ни оружия, ни лошадей, ни домов; пища у них—трава, одежда—кожа, мехи—земля; все надежда у них в стрелах, которые, по недостатку железа, колются костями; охота питает мурей и лосей. Детям нет другого убежища от зверей и нападения враже шитров коз-как спасенных из дриесных ветвей“. Но в момент зарождения русской государственности (X—XII в. в.) финны уже почти перешли к оседлому образу жизни, занимались сельским хозяйством, обрабатывали землю первобытным способом, а также рыболовством, звероловством, пчеловодством.

Первыми из славянских племен воцарил в приоксково-нне с финнами в нашем краю вятичи, жившие в верховьях Оки, юго-западнее нашего края. Возможно их поселение закончилось и у нас. За это говорят несколько те раскопки курганов, чисто вятичского типа, какие встречаются у нас, напр. вблизи с. Осова. Вятичи в это время были теми младшими славянами непостоянного характера, занимавшиеся земледелием. По мере истощения земли, вятичи передвигались с места на место („Были у них и „бобровые глеши“, „бортные ухваты“; занимались они и рыболовством. В XI и XII в. в. славянская колонизаторская волна с юго-западной Руси на северо-восток увлекала вятичей в наши края. Что колонизаторская волна с юго-запа., можно судить опять по географическим названиям. У нас в губернии мы находим названия юго-западные (Перевславль Рязанский, т. е. современная Рязань, р. р.

Трубан, Лыбель, с. Вышгород и др.). Они занесены к нам сюда с юга переселенцами, не могшими, без сомнения, вернуть свою родину. Не потому ли и наша Прона имеет такую же звучную реку в Чернигомудне?

С поселением славян в нашем крае начинаются постепенное отселение финских Народностей дальше на север и восток, а также растворение части финнов среди пришельцев.

Нужно попутно заметить, что славянские посланцы попадались не крупными массами, а как говорит Ключевский, „просачивались тонкими струями“ среди селений финских.

Встреча славян и финнов между собой в общем и целом была мирной. Но все же безрезультатной она не могла быть. Она означала в образовании типа великоросов, в виде которых идет финский; она означала в замесении древне-русского выговора воарским и поверье финнов сохранила несколько из воарского пришельцев, создав двойственность в религиозных представлениях и вере. Наконец нужно отметить, что колонизация содействовала созданию крестьянской сельскохозяйственной среды в нашем крае.

III. Странствование городов в нашем крае.

Рязанская земля первоначально входила в состав Черниговского удельного княжества, но очень не долго. Уже с 12 в., с вика Ярослава Мудрого—Ярослава Святославича, родоначальника Рязанских князей, образуется отдельное Рязанское княжество. Оно просуществовало очень долго и почти последним из всех уделов было присоединено к Москве (в 1517 г.). В период своего расцвета Рязанское княжество занимало очень большое пространство, примерно территорию нынешних губерний: Рязанской, Тульской и Тамбовской целнок и Владимирской, Московскою, Орловскою, Калужскою и Воронежскою частью. В первое время, не считая междоусобной борьбы внутри самого княжества, особенно между Рязанью и Пронским княжеством приходилось бороться с славным северным соседом—Суздальским княжеством; потом такую же борьбу пришлось неоднократно вести с усиливавшимся Московским. Из князей Рязанских особенно известен в. к. Олег Иванович, при котором сила и владения княжества достигли своего максимального предела (14 век).

Как самой крайней области на ю-в. Руси, Рязанскому княжеству особенно много приходилось испытывать бедствий от кочевых народов степи. Помощью до прихода татар все время была соседями Рязаня. Как часто и близко приходилось вести дело с ними, можно судить уже на

того факта, что поляна на правом берегу р. Прона, под Пронским, захватывая вероятно, часть восточной Галаринской вол., назыв. „Доловецким полем“.

Все вышеуказанные факты вынуждают необходимость укреплять княжество. И вот начинаются с появлением князей—устраиваться города. Самым древним городом у нас можно считать Рязань—1096 г. (сейчас с. Ст. Рязань Спаского уезда), затем Переяславль Рязанский (соврем. Рязань) 1198 г. и Пронск—1131 г. Далее возникают Касимов, Зарайск и др. В Воскресенской летописи перечисляются следующие города Рязанские: „А се грады Рязанские: Рязань стара на Оце, а новый городок Ольгов на усть Проне, Пронск, Торческ, Воино, Шолов, Старый Лысов, Гасбов, Зареческ, Переяславль на Трубеже, Михайлов, Перевитск, Шинино, Ростиславль, Вина, Тешинск, Краветск, Чернск, Кумтск, Рославль Полский, Сынск, Новгородок на Осетре, Бобруск, Дубочен, На Павле Никитин, Вердерев, Амичковск; а верку Дону Дубок, Коринки, Урюпинск“.

Воскресенская летопись составлена в конце XVI в.; по этому в вышеприведенный список городов возможно внесены города более позднего периода, а часть городов со временем вошла в него. Но этот список все же характеризует облик городов в Рязанском княжестве. Как у нас было сказано, города возводились для защиты, т. е. само слово город первоначально означало всякое укрепление, возводимое с целью обороны, и совершенно не соответствовало тому понятию, какое сейчас вкладывается в него (административный или торговый-промышленный центр).

Из многочисленных городов, когда то находившихся на территории современной нам Рязанской губернии, немногие дошли до нас, как города. Многие были разрушены во время нашествия татар и потом совсем не восстанавливались, напр. Белгород, наш Икславск (в 12 в. от Михайлова), основанный в 12 в. Пронским князем Кяр Михайлом гор. Кяр Михайлов, входивший на пути из Пронска в Дедиславль (ныне село Тульской губ.), вероятно всего на границе старых Михайловского и Скопинского уездов, и многие другие.

Многие города после разрушения умирали постепенно, как напр. сама столица Рязанского княжества Рязань (ныне село Спаски. у.). Точно также незаметно обрываются в след и остатки другие города, напр. Шолов, Воино, Борисо-Гасбов (в Зар. у.) Ростиславль (тоже), Перевитск (тоже) и т. д. От части же городов даже и следов мало осталось, и сейчас очень гадательно можно только предположить о том месте, где они находились когда то, напр.: некоторые исследователи

Белгород, разрушенный Батыем, скланим идти в Веневском уезде (с. Белгородище), некоторые в Спасском уезде (с. Гордичи), а некоторые в нашем уезде (городище близ дер. Арсланка).

Выше было уже указано, что центральным ядром Разинского движения являлась та территория, которая расположена между Окой, Проней и Острогом, имея вид неправильного треугольника. Боковые стороны этого треугольника—Ока и Прона, вершина—Рязань (с. Старая Рязань); оспирание—линия, проходившая от Оки к верховьям Прони и Дона (приблизительно по границе с соврем. Тульской губ.).

До некоторой степени точно эта линия определяется в договоре 1483 г. между вел. кн. Московским Иваном III и вел. кн. Рязанским Ив. Вас. Третьими: „от Оки с устья Смедвы вверх по Смедве до устья Песочники, а от верховья Песочники через лес прямо к Острогу—а устью Кудесны, Кудесною же прямо к Тибалам (притоку Дона), а по Тибалам вниз на Дон“. И вот старые города особенно в большом числе располагались по сторонам этого треугольника. Об этом свидетельствуют и названия селений, об этом говорят и остатки укреплений—городища, чаще всего попадающиеся именно по этим границам и отчасти внутри их. Конечно увидим, анализом всего этого мы можем найти в нашем уезде. Идя от восточной реки Проны вниз по течению мы находим остатки городища близ д. Красное Городище (Мих. у.) на правом берегу реки и на противоположном берегу—Полное Городище (Тульс. губ.); далее по Проне встречаем с. Гремячево Тул. губ., бывший город; еще дальше в Михайловском уезде мы попадаем с. Проня-Городище, называемое по другому Мочальские Городищем (следов городища не видно), город Михайлов, в 8 верстах—городище близ деревни Лубянка и еще через 5—6 верст—с. Ивксаваль, близ которого имется следы городища от разрушенного гор. Ивксаваль. Подальше, выше от этой линии, на р. Желе, близ с. Желено Городище и д. Городецкие выс. мы опять находим совершенно хорошо сохранившиеся городища, а вправо—с. Печерники, бывший город, с слабыми следами укреплений.

Нужно упомянуть еще о дер. Городище (сейчас в Б. Коронинской вол.). В писц. кн. 1575 г. здесь упоминается пустошь Старгород, принадлежавшая Ряз. Богословскому монастырю. Указом еще один городок вблизи д. Мельгуново, на берегу Острога, недалеко от впадения в него Кудесны.

IV. Татары в нашем крае.

В 13 веке Рязанское княжество постигло большое бедствие: истребили татар. От этой беды край много пострадал,

в частности и та территория, какая входила в наш уезд. Были разрушены многие селения, многие города.

Очень образно в поэме „Евстафий Коловрат“ изображает поэт Мей приход татар:

„И взамкнули орды влечены по Рязанскую землю изгнаною всамзданным, воедем Пронск, Ижеславец и Белгород, и людей нарубали без жалости и покаян из Рязань. Суток с четверо отбивались от них горожане рязанские, а за пятые сутки ордыным проклятым ворвались таки в город по лестницам своим пролазом кремлевской стены и сзвать помяну; ворвались и в церковь соборную, там узбили книжню великую со схирами ее и с князьями прочими, перебили священников, инок, иконопродже дичку оквернили и инокши; трами боями, дном монастырские—все пожгли, город предали пачеши, поббили мечем все живущее, и свершилось по слову Батыю: ни младенца, ни старца в живых не осталось; плакать никому было и не по нем. Все богатство было разграблено, и свазало к Коловнне ордынское полчище“.

Понимая татары и через наш уезд, т. е. Пронск находится недалеко от нас, разрушенный Ижеславец—совсем «близки нашего города, а идя от Рязани к Коловнне и Москве (нельзя не иметь в виду, что Рязань—это село Старая Рязань, почти под устьем Прони), татары опять должны были проходить через наш уезд, именно ту территорию его, какая известна у нас под именем Богословщины. В частности нужно напомнить одно предание, достоверность которого более, чем сомнительна. Говорят, что Батый из Рязани подошел к Богословскому монастырю, что за современной Рязанью, за Окой, в 26 вер., но испугавшись чудесного видения, разрушил монастырь и повернул обратно. Но местность современной Богословщины совершенно была не по пути Батыю, переходить Оку, чтоб затем ни с чем вернуться, едва ли мог он предпринять в голову свою в то же время указанная территория нашего уезда лежит на прямом пути. Поэтому естественно предать, что если монастырь Богословский существовал в то время и встречался Батыю, то он лежал там, где был монастырь не восточнее, т. е. в нашей Богословщине (с. Павдино, Высокое и т. д. вплоть до Хавертова). Несколько говорит за это и существование пустыни в той местности „Стар-Горы“, о которой уже упоминалось.

В дальнейшем Рязанская земля, (з. следов. и наш уезд) не раз видела татар или при существовании самостоятельного Рязанского княжества, так и волею непосредственно его к Москве (XVI в.). Были битвы и в поле Воже, борудой и проч.

до в нашем уезде, и из р. Острого, и из р. Прони (1534 г. при урочище Красная Горка *) и т. д.

Следы пребывания татар на юге и в сохранившихся называниях селений, назв. с. Татарское, в назывании урочищ, наприм. овраг Басков бала с. Осина. О оврагах там говорят деревни Перекала (раньше Перекала), с. Бойняжье и другие, а также некоторые сохранившиеся курганы, кладбища и находки древних орудий. Правда, часть находок орудий могут относиться к южной юге с диткой и к Смутному времени, когда борьба велась не менее ожесточенно в очень многих местах Ряз. края, а особенно в нашей, Зарайском, Рязанском и Пронском уездах.

Отметим курганы: вблизи Жонинского городища, вблизи и гор. Рудина, по дороге в Рязань недалеко от с. Катагора. Между прочим орудия и кости находились при каменном, вероятно-длинном при постройке Ершицкого цементного завода (неподалеку от Красной горы). Даже тогда татары ослабели и часть их царств (Казанское и Астраханское) были присоединены к Москве, крымские татары часто делали набеги и разорения. Их дороги (шляхи), тщательно охраняемые, все же давали им возможность часто проникать в Моск., Тульскую и нашу губернию. Много сохранилось письменных памятников об этом и о тех последствиях набегов, какие оставались на нашей равнине. В приправочных книгах 1616 г. про с. Маково, Иалкино так, напр. пишется: „В селе место церковное, что был храм Рождества Пречистой Богородицы, сожгли татарове“. Про Собакино после перечисления имеющихся там дворов: „да помещицкой, да двор приклича Иванка Яковлева, да дворян дворов: да Тимошея Касмаля, да Кирилко Толстой, да Федка Берок“ и т. д., сказано: „да шесть дворов пустых, а крестьяне пойманы в полон“. Про Поподьяно в выписи 1575 г. Андрея Скрабиса говорится: „деревни Поподьяно на речке на Бодерье, а в ней крестьяне Архипка Антонов... (далее перечисляются другие), а всего 9 дворов зоручия, да 4 двора сожгли татарове“. В челобитной помещицы Имамбасовых Рязанскому епископу пишется про село Фурмакино (Б. Коронки вел.) „Курмакино от татарских войны запустело и церкви Николае Чудотворца выжгло“.

И про многие другие селения говорится также, (Заларовка, Санстолово, Федоровское и др.). Многие села и деревни в конце 16 и начале 17 в. стали пустошами. (Вишнково, Горюстывка, Гривисе, Присуч, Машково, Митюкино, Алякс, Осново и др.). Нужно заметить, что деревни иногда пустели и по другой причине: куда крестьян, становившихся крепостными,

часто гнал их с назначенных мест на другие места, что трудно тоже принимать во внимание.

У. Меры защиты от набегов.

Мы знаем, что Грозное княжество принимает меры и ограждению своего центрального ядра и от Москвы и от степных народов, что вызывает возмещение многих городов по Оке, Проне и в др. местах. Даже по средние этого ядра еще устроятся союзу от Москвы, а юже ряда укреплений. Среди последних нужно остановиться на типе замыкающей Вожской засеки. Засеки могли быть, конечно, при наличии леса. Они обычно состояли из срубленных и навешенных наами деревьев высотой от 3 и больше сажень. Нижние деревья для прочности не отдалались от пней, а, так сказать, только пожелтели. Вожская засека, дубовая, тянулась верст на 50 по старым Михайловскому и Рязанскому уездам по р. Воже. Постоянно охраняемая, она имела наблюдательные пункты и парота. Из последних книг, описывающих состояние засеки, встречаются соловьи Коронино, Перевадь, Малышино, Савково, Савково, Топирево и др. (Б. Корвинская вол.). С присоединением к Москве Вожская засека стала задерживать подступы к Москве от татар.

Но конечно одними засеками, вблизи к Москве наводившимся, обойтись было трудно. Мы видели уже те следы, какие татары оставляли после своего вторжения. Поэтому Москва принимает и другие меры защиты. Первая из них—это береговая служба. Ежегодно сосредоточивались крупные военные силы по берегам Оки и ее более крупным притокам. Городовые дворьяне и дети боярские являлись сюда на конях, с оружием и известным числом вооруженных дворовых людей своих. После смотра их на сборных пунктах воеводские эти силы, разделенные на полки, становились в определенных местах, и в случае тревоги они продвигались далее в степь.

Второе—это устройство новых укреплений дальше от Оки. Так возникают укреплённые линии. Первая „украинная линия“ проходила XVI в. на некотором расстоянии от „берета“, т. е. Оки. Среди ряда укреплённых городов (Путыль, Рымск, Брельск, Тула и др.) мы встречаем Михайлов, Пронск, а впоследствии некоторые и другие города являвшейся гберани. Потом вслед за первой образовались еще две оборонительные линии, вдававшиеся более глубоко в степь.

Нужно упомянуть сторожевую и станичную службу. Она состояла в том, что на городов оборонительных линий а

столь выдвигались на разное расстояние (4-х или 5 дней пути) сторожа и станицы из 2, 4 и иногда больше человек. Цель их—чтоб татары не пришли в пределы государства незале.

Наконец, нужно отметить еще одну меру борьбы; она состояла в том, что Московские князья часто приглашали в селения у себя разных татарских царевичей, при помощи которых они потом боролись с своими врагами. Такие царевичи с татарами являлись в Касимове, Кашире, Колоде и нек. др. городах.

Говоря про борьбу с татарами как при Рязанском князстве, так при Московском царстве, нужно указать еще на одно явление, тоже идущее к разорению нашего края—это борьба с Литвой. В летописи 1396 г. по поводу войны рязанцев с Литвой сказано про Витовта (Велик. Литовского), что он „прошла Рязанскую крону, как воду“.

В народе остались смутные предания о борьбе с татарами и Литвой. Так при обследовании одного городища (близ Город. выс.) один старик рассказывал мне, что Городище осталось после разорения литовского, что у ребят в его время существовала канча—ругань „литва красноглазая“. Другой старик объяснил на основании народного предания происхождение названия реки Жрыж: когда Батый в'ехал на лошади в реку, то быстрая и многоводная река унесла в потоки ее под него лошадь, и сам он спасся; тогда он и прозвал реку Жрыж (от слова жрать). Другой старик с. Иваславца рассказывал, что татары разорили часть Иваславца, а часть города ушла на дно реки (Прони). Вот почему там слышен постон и на Пасху звон колоколов. Интересно, что подобные сказания имеются про многие древние селения в нашей губ., а возможно и в других.

VI. Город Михайлов в XVI и XVII в. в.

Перейдем теперь к истории нашего города. Время возникновения его точно установить не представляется возможным. Хотя в Воскресенской летописи он упоминается под 1187 г. и содержится в вышеприведенном списке, но доверять этому нужно с большой осторожностью; во всяком случае он возник не ранее XIV века; в XII же веке имелся Кер—Михайлас, расположенный южнее, ближе к истокам Дона. Возможно, после разорения татарами Кер—Михайласа, жители последнего переселились на берега Прони, в низы места. В XIV веке упоминается „Михайласо поле“, как вотчина, дан-

ние Ивану Мироваловичу, третьему татарскому вурое Салмирту, вел. кн. Рязанским Олегом.

В 1546 г. Михайлов уже определенно упоминается, как укрепленный пункт „украинной линии“. В 1551 г. боярами князем Веротинским и Голоциным Михайлов укрепляется вторично. В старинной записке, хранящейся в соборе, и у Карповича так сказано об этом: „Между тем временем, когда российское оружие прежних своих победителей и вечнодушных врагов в царстве Казанском утесняло, августа месяца сего (1551) году царь Иван Васильевич, стараясь поспеху российскую границу утвердить от рязаных татарских набегов, по верному ему донесению о разных удобных местах, набрал самое место и области Переславских (т. е. Рязанских), от Рязани в 50, от Коломны в 90, от Москвы в 190 в., где и поселил находящимся там воеводам кн. Веротинскому и Голоцину построить и укрепить град и как первое расчистить место для восстановления церкви, тогда на самом том месте, где назначалось быть алтарю церковному, был найден древнего письма образ архистратига Михаила, обложенный серебряным камнем не поврежденный. Воеводы ни сд. уведомили о сем царя, который через посланных священников повелевал образ сей принести в Москву и встретив его часто вместе с востроп. Маваркем и совершии ярличное празднование, обратно отпустил на место, где был обретен и где по имя архистратига Михаила храм сооруден был и град Михайловым именован“. Эту летописную заметку нельзя понимать так, что Михайлов основан в 1551 г. Дело в том, что выражение „строить город“ означало в летописях сооружение или капитальную поправку стен вокруг существующего уже поселения, и термин новый город означает новые укрепления. Вот почему, хотя Москва упоминается в 1147 г., но в летописях под 1389 г. мы читаем „того же лета заложен град Москва дубов, при кн. Иване Дан. Калите; точно также про Серпухов, существовавший в середине XIV в., говорится в 1374 г. „а князени Донского были основаны города, Курмыш и Серпухов“ и так про многие города. Не нужно забывать, что град в то время означал собственно крепость или крепиль, а не то, что понимаем сейчас под городом ны.

Вновь укрепленный Михайлов продолжал некоторое время находиться в первой Украинной линии. Из центра для „района и земского“ дела в нем были всегда воеводы, а иногда не одни, а два. Как и все укрепленные украинные города того времени, Михайлов был атакован стрельцами, пушкарями, ятланцами, плотниками, кузнецами, казаками, оботниками (ямщиками). Рязанским коротко назначенные каждого из-

де этих низших служивых людей. Стрельцы—это постоянное войско, возникшее в XVII в., набираемое из истринских жителей. Они были вооружены огнестрельным оружием и служили в Москве и по крепостям. Часть их несла службу за землю, которую им отводило правительство на месте на службе, часть получала денежное вознаграждение. Из таких условий несла службу и все ратные люди: пушкарки (при артиллерии т. е. при пушках), взятники (при „латниках“, крепостных пушках, т. е. своего рода артиллерийских орудиях) и др.

Названием платников—„дерковное и городское строеик“, т. е. построения и поправка укреплений, церквей и т. п. как в своей крепости, так и в других. Слово казаки татарского происхождения и означает „вольный наездник“. Так назывались конное войско в городах сираки, набранное в. ч. из вольных людей. Они обычно получали землю и различные льготы. Охотники (от слова охочий)—это вырки для провоза дослов, гондел, должностных лиц и ратных людей. В месте службы они также получали землю и различные льготы. С течением времени рядом с указанными ратными людьми появлялись казаки с юго-зап. Руси, из поселков тогдашней Польши—„черкасы“. Под 1640 г. мы встречаем напр. жалобу польских послов, что их изменники „черкасы“ завели на новые свободы „в степях на Усврдя, под Ливками (далее перек. ряд городов), под Михайловым... и под иными городами царского владения“. О важном значении Михайлова можно судить по числу ратных людей. Уже в то время, когда оборонительная линия от нашего города, отходила далее на юг, и Михайлов остался уже за нею, мы встречаем следующие данные в сметных списках 1617 г.: „На Михайлове воевода кн. Богдан кн. Васильевич сын Косаткии Ростовский, а с ним дворян и детей боярских рязанцев Пелазцкого стану 33 ч., Кобыльского стану 152, черкас Михайловских с ятвинским 50 ч., стрельцов ввинных в голову Федором Карповым, что был Московским, 295, слугат з ятвинским, да похисных пехих стрельцов 127 ч. в голову Офением Мельниковым, 324 ч. конских слугат з земель, пушкарей и затанцаков—40 ч., платников и кузнецов 12, охотников 12.“ Таким образом было даже в это время, при первом Романове, 1615 г. Через 14 лет мы встречаем примерно такие данные о числе ратных людей, не считая дворян и детей боярских: „На Михайлове 2 чел. голов, 3 чел. сотанков, 200 стрельцов слугат з государено денежного и хлебного жалования, да 102 стрельцов все и 307 казаков слугат з земель“; далее перечисляются 70 чел. черкас с 1 головою, 15 пушка-

себя 16 артиллеристов, 1 кузнец, 9 плотников, 2 запасных стрелка, 4 воротника (для охраны ворот города).

Церкви эти конечно неканоничны, так как часть ратных людей размещалась временно по другим крепостям и для сопровождения послов. Например из разрядной книги 1616 г. видно, что под Сирдженском с послания для переговоров с поляками приказано быть: „с Михайлова стол, Федором Карповым Михайловских стрельцов 400, из Переяславля Рязанского 150 ч, стр., из Пронска 400 казаков, из Рязанского (Рязка) 100 чел. казаков конных“. В 1626 г. для сопровождения турецких (турецких) послов командировано 500 ч. из Пронска, Гремячева, с Воронежа и т. д., в том числе и из Михайлова 150 ч. Посылалась воинские люди и во вновь устроенные тогда города; наприм. 5 сент. 1636 г. особой грамотой „государь царь указал для береженья от татарской войны меж Воронежских и Царских верхов на Урайские городище или где пригоже построить город (это ныне север. Ковалов), а для городового строения и береженья указал государь быть ратным людям из Переяславля Рязанского „с Михайлова, из Пронска, из Рязанского, с Воронежа, Лебедина и Шацкого, всего 760 ч. и быть тем ратным людям у городового дела и для береженья опреч проходу по 6 недель; и тем ратным людям велено быть воим с пищалями; да у них же велено быть по рогатице да по топору, по лошади с телегом; да им же велено дать в городах по фунту земли (т. е. норма) да по фунту сивца на государевей казны“, и дальше находим: „да для царского и городового строения велено взять плотников из Переяславля, Михайлова и Пронска“.

Нужно заметить, что некоторые воспоминания о подобного рода „строениях“ сохранились, правда очень скудно, в Плотниковской слоб. нашего города; распространено также в ней воспоминание о строении кораблей на Дону при Петре I.

Обычно все эти служивые люди (стрельцы, пушкеры, казаки и др.), живя в своем городе и около него в особых слободах, несли караульную службу и заботились о поддержании укреплений города, могли заниматься и заниматься сельскими и торговыми промыслами. Что касается детей боярских и дворян, то последних в городе было обычно мало; они жили в своих поместьях, делавших им за службу, в уезде. Их у нас было не мало.

В тревожные годы число ратных людей увеличивалось за счет детей боярских и дворян и призываемой из других городов воинской силы, в том числе также и татар, перебежавших на службу к русским.

Под 1624 г. в „дворцовом разряде“ мы читаем: „с Михайлова князь Михайлау Шетинину ехать в Моску, а Мецдерские городов татар Касимовских, Кадомских отпустить по домам“, в 1625 г.: „с Михайлова отпустить Мецдерских городов князей и мура татарск. Касимовских и Кадомских“. В такие тревожные годы в Михайлове находилась обычно передовая полк (т. е. корпус) с особым воеводой. Не раз за это время город выдал вбиан себе татар. Те разорения, о которых уже упоминалось, достаточно говорят за это. В 1614 г. в бытность воеводою на Михайлове Владимир Ляпунов, сын известного в ту пору Прокопия Ляпунова, им убит: „того же месяца в мае 30 день пошел с Михайлова воевода Владимир Ляпунов, что татар побил по Провской дороге, а с того бою послал государю, к Моске, Федора Ивановича сына Чевкина“.

Некоторую роль Михайлов, как и все Рязанская земля, играл в период так называемого смутного времени и при первом Романове—Михаиле. Смута в княже, при царях Борисе и так называемом Аведимитрае I, была, так сказать, смутой дворовой, т. е. борьбой за власть так же, как и в Венгрии Шуйского смута получает характер борьбы и политической и социальной. Это была, так сказать, революция в начале 17 в. Против боярского царя, ставленника вышедшей знати, восставал в средние, и низшее дворянство, и народные массы. Но в то время, когда у первого был один враг, у второго хазй тер делились бы: социальная оно не равнялось не только против Шуйского и знати, но и вообще против вышних классов. Болотников, представлявший этого течения, в своих грамотах предлагал воинам „любвити своих бояр и жен их“, общал им вотчины и поместья, принимал бить „гостей“ и торговых людей. Рязанские города, население которых, подвергаясь чаще других нашествию татар, было всегда особенно драбрым и дерским, один из первых восстал против Шуйского. Во главе движения стояли дворяне Ляпунов и Суабулов. Михайлов как раз был одним из центров этого движения против Шуйского. Он с самого начала был занят Суабуловым. Отсюда он вел наступление к Моске и расширял свое влияние во все стороны; в 1610 г. его войско, состоящее из „черкас“, казаков и татар из Михайлова повело наступление и заняло острог гор. Зарайск и с трудом было прогнано восточной из Пожарского. Для умирения Суабулов восставал на Моску Хованский.

Вскоре после того, как Михайлов отделился от Суабулова, он в 1612 г. был занят Зарайск. Последний битва

1247

сошелся с Мариной Мининск и поддерживал вассалитету на Московский приехал сына его от Аведмитрия I. Для Заруцкого Михайлов тоже был некоторое время операционной базой. Но разорен Михайлов, Заруцкий потом пошел в Епифань, оставил воеводами на Михайлове Навольского и Болыштина. Воспользовавшись этим, минаморы 2 апр. 1613 г. съездили „диром“ воевод и посадили „за триста“, в казном Заруцкого перебиты и посадили в тюрьму, обратившись одновременно в Зарыск и Рязань за помощью. Роману Михайлов присягну только после того, хотя он был захвачен ури в начале февраля. Из царской грамоты из Ростова от 18 апр. 1613 г. на имя боярина Мстиславского мы узнаем: „послал есте к нам и приехали рязанца Василия Павлова да Михайловского сродна Матюшну с тем, что Михайлов нам добра челом и врет деловали, и нам то ведомо, и мы их подаловили, да в им земли дароване еще видети, отсутная из к нам, в Москву“.

Последней раз врагов под стенами Михайлов видна в 1618 г. в августе месяце. Во время войны с Польшей из за прихода Московского, гетман Сапёжичный, захватил Путивль, Анина, Елец, Лебедь, осадил и Михайлов. Осада 10 дней продолжалась сорока под стенами города, но все таки Сапёжичный городом завладеть не мог. Об этой осаде дошла до нас интересная повесть, долгое время хранившаяся в собрании составленная помещицкому монахом или священником повесть после осады. Из нее видна картина осады, храбрость жителей, и можно получить некоторые представления о строении города. С увеличением мощи Московского государство и с расширением пределов его, наш город постепенно стал терять свое значение, как укрепленный пункт и меньше стало в нем военной силы, и воеводами с половины 17 в. стали в него назначаться обычные дворяне, а не из знати, так было в 16 в начале 17 века: ан. Воронинский, кн. Щетинин, кн. Шаховской, Анунов, Пушкин и др. Но все же крепость существовала до начала XVIII в. Приведем описание состояния ее в военной слани в ней в 1678 г. (на восток археографич. ком.).

Воевода был на двореи Кани Ветник Толстой. „А по его отписке и по книгам город деревянный, стался на земляном валу. Овал всего города ров, в нем 2 ворот проезжих, 7 башен гаухих, около того городе и башен 245 сел., четири около того остроу весь стана. Людей стрельецкий и казачий голова—1 чел., приказной пабы подьячих—5 чел., сотник стрельецкий—1 чел., казаков 125 чел., детей, братья и племянники из 174, стрельцов—19 чел., стрельцы на службе и

Киевѣ и на Дону—62 чел., детей их—74 чел., солдат—34 ч., детей их и братьев—62 чел.; Драгунов—70 ч., детей их, братьев и племянников—131 чел., пушкарей—15 чел., детей их, братьев и вѣсковъ свойственниковъ—63 чел., артиллерійковъ—30 чел., воротниковъ—4 чел., детей их 9 чел., пашиниковъ 5 ч., детей их 13 чел., казенныхъ сторожей 2 чел., детей их и братьев 7 чел., размынчиковъ 4 чел., послѣднихъ людей 41 ч., детей их, братьев и племянниковъ 44 чел.". Итого этихъ цифръ равна 1084 чел. В это число, какъ видимъ мы, не входятъ лица духовнаго звѣнія, монахи, а также и все женскаго. Далее и этой описи перечисляются оружія, бывшее в городѣ: „пудаль медная полуторная, к ней 50 ядер железныхъ, весомъ по 6 гривенокъ ядра; пудаль медная полуторная, к ней 40 ядер железныхъ весомъ по 4 гривенки ядра и у той пудаль у жала мѣди. 4 пудали медныя медью ж., к нимъ 653 ядра весомъ по 2 ¹/₂ гривенки ядра. Тюфякъ медный, к нему 40 ядер весомъ по 2 гривенки ядра, 8 пудалей желѣзныхъ полуторныхъ, к нимъ 400 ядер железныхъ, весомъ по 6 гривенокъ ядра, 5 желѣзныхъ пудалей. Железя ручного и пушечного 101 п. 9 гривенокъ с полуторною, Свинца 149 пудъ с полуторною 8 бердышей, 16 мешковъ южанскихъ пороховъ, 9 арш. золота

VI. Описание Михайлова XVII века.

Теперь представимъ несколько видъ нашего города в XVII в. Для этого намъ придется совершить несколько экскурсій по городу. Начнемъ первую с пещеры, что около собора и в на которой находится садъ бывшаго соборнаго дома. Она искусственная и есть одинъ изъ болѣе замѣтныхъ остатковъ старинныхъ городскаго укрѣпленія; за долгие годы она изменилась, значительно сдвинулась и оползла. Выходимъ на нее. Она расположена на высокомъ и сравнительно крутомъ берегу р. Прони и приблизительно возвышается на 6 саж. надъ противоположнымъ берегомъ. Передъ нами река. Мѣстность на востокъ, югъ и западъ совершенно открыта и издавъ даль беретъ на 10—20. Обходя пещеру, мы на западѣ, совсемъ недалеко отъ нее, видимъ речку (ручей сейчасъ)—Леценку. Беретъ ее, образовавшійся к городу, совершенно отвѣсно и высок (до 7 саж.). Идя по берегу Леценки отъ впаденія ее в Проню на северъ, мы вскоре увидимъ, что Леценка уклоняется на западъ, но зато городъ с северо-запада окружаетъ очень глубокий и крутой оврагъ—„Голубая гора“, впадоущій в Леценку. К востоку отъ города мѣстность тоже сравнительно круто спускается къ долине, и кончается „Черной горой“. Только с севера, по во-большой дорогѣ в Рязань, где Платоновская слоб. и тамъ

называемой „Красная горка“, место ровное и доступное. Совершив такую экскурсию мы поймем причину появления города—крепости. На том месте, где лежит современный Михайлов, верхнею часть его. Возникший город господствовал над окружающей местностью и хорошо был обозначен естественными преградами со всех сторон, кроме узкой полосы с севера, со стороны Ридана, но оттуда то иан раз можно было идти только вконец, а не издалека. Если мы возьмем посмотреть по все стороны с колокольни собора, то тогда стратегические выгоды расположения города еще более бросятся в глаза.

Эти стратегические выгоды увеличивались благодаря искусственным укреплениям, слабые следы которых мы можем отыскать. Идя из второго городского сада к первому с юга на север, между зданиями школы II ступени и Педагогического Техникума, мы замечаем вал, уже не высокий от времени; Ширина его сейчас до 15 саж. В Городском саду он поворачивает на запад и незаметно исчезает. В этом же саду мы видим и 2 пруда, выгнанные и соединенные почти такой же ширины, как и они сами, рвом. Все это следы древних укреплений города: вал и ров; вал и ров тянулись из садов, что повзди пожарной команды до 2-го городского сада, где поворачивали на запад и проходили между нижней турмой и казначейством. Внутри сада был. Пятищого (за почтой) они поворачивали на юг, к Прово. Следы рва, проходя этим направлением, мы опять заметим во дворе дома быв. Гагарина и Орланова, лежащих с западной стороны от той насыпи, на которой стоит быв. соборный дом и от куда мы начали обозрение города. Со стороны реки рва не было. Таким образом кроме, естественных укреплений, город был огражден земляным валам, перед которыми находился ров. По остаткам последнего в городском саду можно заключить, что он был не менее 3 саж. глубины. Данну древних укреплений, что тогда составляли собственно город, идя по этим следам, мы найдем равной около 340 саж; значит вся площадь города приблизительно была равна десятивам трем.

По валу шли стены города. Они были дубовые, как видно из опис. 1678 г. Вероятнее всего, как и везде, городская (острожная) стена состояла собственно из двух стен, при чем противоположные яруса (наложенные друг на друга бревна) соединялись поперечными бревнами или такими же ярусами и покрывались тесом, так что стены были сравнительно широкие. Поэтому на них могли располагаться ратные люди свободно, могли устраиваться и жилища с оконами, как это видно из повести об осаде города гетманом

Сагайдачным, упоминаемой выше. В стенах находимся башни, тоже дубовые, рубленные в четыре угла. Их было семь, и все они были глухие, т. е. без ворот. Обычно башни выходили по углам и по середине стен. Одна из башен, как видно из повести, называлась сторожевой, на других находились пушки или артиллерийские пищали, для которых то около городов и складаны пушкарни и затинчики. Внутри башен, как и внутри стен, были воды (мосты) и лестницы. Из приводимой ниже грамоты 1625 г. от царя Михаила Романова на имя воеводы и стольника князя Волконского видно, что под башней („городки“) содержались иногда заключенные („на дворцового развода“ т. I над. 1850 г. II интер. изд.). Эта грамота интересна в то же время для характеристики так называемых местных судебных споров того времени. Грамота приводится с некоторыми сокращениями: „по нашему указу велено быть на службе, на Михайласне, с тобою в товарищах Ульяну Апузову, и Ульян Апузов у нашего дела за тобою быть не хочет и спянок за тобою не взял. И по нашему указу, велено Ульяна Апузова за то, на Михайласне Ивану Гасню, посадить в тюрьму, а Иван Гасня Ульяна Апузова посадит в городню под башню, а не в тюрьму; и Ульян Апузов из той городни проломал мост и ходил на башню, и живет на башне все, своим покоем, а не в тюрьме сидит“. Далее предлагается проверить проломан ли мост и ходил ли Апузов на башню, а также предложить ему исполнить прежний указ, т. е. быть „в товарищах“ у воеводы Волконского, в случае же отказа посадить не в „городню“, а в „тюрьму, в которую сажают иных сидельцев“ и отписать об этом на Москву.—С южной стороны городских укреплений („ostroга“, как они назывались) находилась „тайник“, т. е. ход к реке за водой, в которой то время всегда осененные мотыи нуждаться. Не так давно определенно указывал на место тайника в усадьбе сын соборного дьяка, в котором она всегда соборный протоиерей. Возможно, что ручеек, текущий из источника в саду этого дома, имеет связь с этим „тайником“. Повесть об осаде города говорит о существовании „подкопов“ под стенами города.

В город вела две версты. Один из них, называемые Архангельскими, находились верстнее всего южнее того места, где расположен сейчас Архангельский собор. Востовой колокол, необходимая принадлежность каждого города, неизвестно где висел, но можно предполагать, что на колокольне собора, т. е. в первой книге г. Михайласна 1626 г. Мирова Ивана Писарева и подьячего Федора Кашикина при описании с оборой волоколами говорится, что

на ней козюлок весом в 22 п. 5 гривенов (прибл. 5 фун.), а на козюлке написанно: „Б. м. повелением царя и вел. кн. Михаила Федоровича всея Руси выданы сей козюлок восточной на Михайлов город лета 7130 (1622) году июля в 20 день“. Пожаро стени на впаду а риа вокруг них, город был окружен еще „честником“, т. е. чистоголодом—обитыми и жемло смачини. Из описи 1678 г. видно, что „честник вокруг того острогу весь огина“. Честник находился уже за рвом.

В городе, т. е. в кремле или укреплении, ала воевода, для которого существовала „воеводский двор“; тут же находилось и ответственное место, где занимался воевода и подъячий—„с'емная изба“, а также и тюрьма, упоминаемая в грамоте по делу Алпушова. Для хранения оружия должен был вестись амбар, а для зерна (зерно) и дрова—погреб. Возможно, как и в других городах, были и „осидные дома“, обычно нежители, и обречденные в ямале для антелей уезда по время нашествия неприятеля. Немного севернее (северной 7) от того места, где сейчас сохр., именно, где долгое время находилась часовенка, недалеко снесенная, стоял собор. В писуровой книге города Михайлова 1626 г. он так описывается: „На Михайловом городе соборная церковь древяная (деревянная) клецки чудо архистратити Михаила на подклестех (т. е. рубленая в клетку над ивандим помещенном), с трех верхех, а на них кресты обиваны белым неморским железом“, а перед церковью „коловозвонца рублена на 4 угла в замок, в верку широм“. Воскресенская церковь, теплая, находилась тоже в городе и принадлежала собору. Она была построена в 1615 году; „лес возжан на постройку ее миром, а плотники делая ее государевы“. Уничтожена она в конце XVII в. Таким была собственно город или кремль.

Вокруг стени города, кроме северо-восточной стороны, раскинулся посад, где жили „посадские люди“, из которых в дальнейшем развивался городские сословия (купцы и мещане). Посад не распространялся в то время на правый берег Провы. Посадские люди занимались ремеслами, торговлей, а также и сельским хозяйством. Это было „тигаче" население, подобно крестьянам неспециально (наделы) и со 2-й половиной XVII в. прикрепленные к своему посаду и землям. Население посада было небольшое: по описи 1678 насчитывается всего около 40 дворов, в 1681 г. 44 двора. Сильно обремененные и иногда доходящие до полного разорения от тяжелых сборов, посадки слабо развивались во всех городах; часто, как и крестьяне, истреблялись. В некоторых городах посадских людей врезежам не было по этой причине, напр. из описи городам 1668 г. видно, что в Рязани чис-

дятся всего 86 ч., в Коломне 67, а в Провоске, Рязане, Шацке, Спаске, Печерниках и мн. др. городах нашей губернии—ни одного.

Поход по своему внешнему виду мало чем отличался тогда от сельского поселения, разве только несравненно большим числом изб, церквей, да лавками. Избы нехитрого строения, все деревянные, с маленькими окнами, с двускатной крышей. Вместо стекла тогда употреблялась сажа, а иногда и еще что либо заменяло его. И топчались избы по черному. Разбросаны были они без всякого порядка. Несомненно напоминает разбросанность и беспорядочность построек старого города район современного Михайлова около церкви Монастыря и завиднее остатком укреплений. (Нижн.-Зар. ул., Рыбно и Иорданск.). Среди этих несложных строений виднелась церковь. С слободами служилых людей их в Михайлове было до 17. Церкви тоже нехитрого строения, маленькие, все деревянные и бедные внутри. Так про церковь в Орефинской слободе, построенную в 1621 г., в писевой книге говорится: „перед церковью колокольницы и колокола нет“, про другую, в Черкасской слободе, (нынешняя Черкасская церковь) пишется: „перед церковью колокольница на одном столбе, покрыта шатром, а в ней двое (2) колоколов“; про церковь в Янской слободе: „древяна клетца без паперти“ и т. д. А раз церковь была такая, то тем более замарачны должны были все другие постройки. Около церкви располагались дома священников и причта. Так во писевой книге Мирона Писарева (1626 г.) узнаем, что около Покрова (в Лещенке) „во дворе под Еустафией Офонасьев, во дворе пономаря Микифорка Григорьева, во дворе бабыль Кузеника Подстопал“, и у другой церкви там же „во дворе под Иван Федоров, земля по мере вдоль с гумном и с огородом 27 саж., поперег 22 саж., во дворе дьячек Палади Леонтьев, земля по мере вдоль 11 саж., поперег 6 саж., во дворе пресвитера Овсеньица Федосеева дочь, во дворе пономаря Овдьюшка Лазаря, во дворе бабыль Максимики Леонтьев² и т. д.

Тут же на посаде располагались и монастыри. Их было в 17 в. в Михайлове два, один где сейчас церковь Монастыря, второй—недалеко от Прудской ишимы, где сейчас огород ее; монастыри тоже небольшие и бедные. Первый, называвшийся Высочким (он на самом деле расположен был на мысовом месте, как и оставался от него церковь Монастыря), был сперва мужским, но в 1669 г. архиепископ узнав, „что на Михайлове от женского полу имеют иноческий чин, а живут у еродников, у мирских людей, а ныне считают² меж дворов“, обратил его в женский, переименовав его в-

данных монастыр в другой монастырь. Церковь в нем была до 1756 г. деревянная, всего 4—5 колод монастырских, 7 монахи и послушник; в него съезжались потом „для исправления“ раскольников. Второй монастырь, основанный повелением царя Василия Шуйского (1607 г.), был такой же: деревянная церковь, 3 колоды, деревянная ограда, площадь под монастырем длиной 37 саж., шириной 21 саж., монахов совсем мало (никогда бывало всего 1 человек).

На посаде же находилось и торговая площадь „торг“. Он находился недалеко от стен города, в квартале, где сейчас Троицкая церковь, ранее находившаяся в Стрелецкой слободе, там, где сейчас полуразрушенная часовенка на углу Провской ул. и 3 Провского переулка. Кроме лавок на площади находилось „Земская изба“, где сосредотачивалось мирское управление посадом и где сидел земский староста с деловальниками, выбираемый посадскими людьми для раскладки и сбора податей, отправления мирских повинностей, для разрешения земельных вопросов и т. д.

Чтобы иметь несколько ясное представление о расплановке города в то время, нужно помнить, что современный план Михайлова (квадратными) создан в конце 18 и начале 19 в. в. Не имелось почти никаких пригородных слобод. Вот они то, а также церкви и часовня на месте исчезнувших и перенесенных церквей, дадут возможность увидеть планировку города (посады) в 17 в. и слобод. Было уже сказано, что расплановка домов (квб) была беспорядочно, но в общем направление приближалось к радиальному. Если мы встанем сейчас на Красной площади лицом к почта, то по направлению от почты и Леушинскому ручью тянулось одна часть посада. Там, где сейчас сад при доме Скворцовых, находилась церковь, вероятнее всего Параскиевы Пятницы, иконостальники торговали. Эта церковь упоминается в 17 в., упразднена в конце 18 в. Посадские дома группировались за рвом и там, где был женский монастырь, а сейчас церковь Монастырск.

Идя от внешней церкви Троицы, где раньше была торговая площадь по направлению к Палкушей улице (по прямой линии), мы встретим бы часть посада и Стрелецкую слободу. В этой Стрелецкой слободе (ныне Старопашевская), которая находилась ближе к городу, чем сейчас, находилась Троицкая церковь. От Стрелецкой слободы отходила Исканская слобода (ныне Исканцы или Палкуша ул.). На этой слободе, там, где часовня, до которой прокладывают сейчас покойники, была Спасская церковь; уже в конце 17 в. она была перенесена на свое настоящее место. Правее Стрелецкой

слободы там, где сейчас усадьба Прудской школы и часовня, — в XVII веке стала мужской монастырь, а около него — монастырская слобода с дворами 30—35 крестьян и бобылей. Еще правее, где сейчас местечко Уголок, была другая слобода, населенная казаками. Там, на самом берегу, почти против современной церкви Архангела, была тоже церковь Архангела „на Старой Луке“. Интересно отметить, что Уголок и сейчас еще зовут иногда „Михайловской“. Идя от стов города (в гор. саду) в Черной горе, мы бы встретили Пушкарскую слободу с ответвлением на Рязанскую дорогу — Платинскую слободой. Тут жили пушкарни, затинщики, ворстники, охранявшие ворота города. При входе Рязанской дороги и сейчас имеется часовня. На этом месте, называемом Красной горой, стояла церковь Пушкарская—Николаевская Красногорская, перенесенная совсем недавно (1862 г.) на новое место при выселении пушкарей (нынешнее с. Пушкарь). Остатки селений из этого места — Платинская слоб. и Пушкарники существуют и сейчас. За Стрелецкой слоб. (ныне Старовашенная) начиналась „Казачья Прутская слоб.“, ныне Прудская с Христорождественской церковью.

Перейдем теперь через „Кашенный мост“ в Леуцкую слободу. Она сейчас состоит из нескольких слобод, населенных преимущ. казаками. И в 17 в. там было несколько казначых слобод: Арефинская, Леуцкая, Луговая, Павшинская. В каждой слободе имелась своя церковь, их было 4. Арефинская слоб. составляла продолжение Луговой (к жел. дор. мосту) Пашинская — за Леуцкою. В 18 в., во время переселения части слобод из города, Арефинская с своей церковью образовала с. Владивку, Павшинская с своей церковью — с. Новозыбское, а потом — Стрбля; частью дворов положено начало с. Дюбановским выселкам. Между Леуцкой и Платинской слоб., вблизи оврага „Голубая гора“ и р. Леуценки находилась Ямская или Охоткин слоб. с Благовещенской церковью. В XVIII в. эта слобода выселилась в Рязань, но земля „Ямские“ до своей революции принадлежала им и арендовалась кр. Леуцкой слоб. и частью Платинской.

Теперь спустимся с соборной горы и пройдем через мост на правый берег р. Прони. Он также заселен и застроен сейчас, на левом берегу. Тут центр торговли. Но мы видим уже, что раньше и центр города и центр торговли были на левом берегу. Здесь же в XVII в. мы бы встретили, как и ныне, Черкавскую церковь, тогда деревянную еще (каменная построена в 1776 г.) и от нее начало (где ул. Карла Маркса), слободу „Черкавская“, переселенческую из Польской Украины, образовавших в конце XVII в. рейтаров (инженерное войско).

Немного подальше, по дороге на Тулу и по берегу Прони (Гороховая), мы встретили бы слободу Московских стрельцов—Стрелецко-Зарецкую. У них тоже была своя Николаевская церковь, о которой напоминает нам две часовни на Гороховской ул. и вначале Пролетарской ул. В прошлом веке часть Стрелецко-Зарецкой слоб. с церковью выслалась, образовав с Стрелецкие выс., подобно тому, как из слоб. Черкасской выслалась Серебрян. Уклонившись влево от жительства преемник Московских стрельцов, мы вступим в Щетининскую слоб. Своим названием вероятно всего она связана с помещиком Щетининым, бывшим на Михайлове в 1582 г., но уже встречается, в 17 в. и другое название: „Казачья сл. и Новая-Лука“. (Лука—изгиб реки). Как сейчас, так и в XVII в. в этой Казачьей слоб. была церковь Архангела, но ближе к берегу реки.

Посредние города, значительно ниже, чем сейчас, пересекала реку Проню мельница, принадлежавшая сейчас Городскому Совету. В 1624 г. эта мельница была пожалована царем Михаилом Романовичем Соборной церкви, что было потом подтверждено при его преемниках (1678—Алексеем и 1700 Петром I). Вероятно вблизи города была и другая мельница, упом. и сама в 1676 г. и находившаяся „в окопу села Покровского за крестьянством за Тимошиною Иланицю со 184 по 194 год“. (т. е. с 1676 по 1686 г.)

Примечание: 184 г. и подобное означает 7184 г. от сотворения мира, как тогда считали. Чтоб узнать год нашего летоисчисления, то нужно вычесть из этого года 5508.

Таков был наш город со своими слободами лет 300 тому назад. Центр его, собственно город или кремль, лежал на высоком берегу Прони. Вокруг него посады, насчитывавший до 40 дв., к посаду и городу подходили слободы наших служилых людей: казаков, стрельцов, пушкарей и т. д. эти слободы местами сливались с посадами; некоторые слободы размещались уже на правом ином берегу, куда потом, в 18 в. стал перетягиваться и город. Между бедными постройками города, посада и слобод стояли церкви, их было 14 и 2 монастыря на входе и в слоб., 2—в городе (время). По окладной книге 1676 г. всех дворов насчитывалось в городе до 900; больше всего было казаков: Прудская слоб., Верхняя и Нижняя Лука (Щетининская и Уголая) и в Луценке: Паншинская, Луценская, Артеринская и Луговая слободы; за ними три стрельбы (слоб. Стрелецкая, ныне Старовишевская, и Стрелецко-Зарецкая), далее шли крестьяне и боярши (Исклинская и Яковская слоб., монастырская слободка и при церков-

ных усадьбах), потом черкасы (рейтары), за ними дёбры пушкарёв, и уже далее шли последние дворы, а потом боярские (до 18) и под'мочские (3—4).

Отвѣстнаго попутно, что в период успенскаго поселениа и конце 18 в. и начала 19 в. из гор. Михайлова, на сто свобод образовались села и деревни: 1) Вышка, 2) Носкованскыя, 3) Стубль, 4) Лобановское выс., 5) Серебряныя, 6) Стрелецкие выс., 7) Телятники, 8) Пруденне выс., 9) Речатники, 10) Лубянка, 11) Новорядоственское или Ижеславль и 12) Николаевка, из Прудской. 13) Никанды, 14) Пушкаря; это все селеня с бывшими государственными крестьянами, не имевшими некогда над собою никаких помещиков. Таких селеней у нас в уезде еще имеется только 4: Печерники (быв. город) и выселенныя из него Печерниковские выс., Березово и Фирюлева. Все остальные селеня быв. помещичьи или монастырскыя.

VII. Управление города и положение посадских людей и крестьян в XVII в.

Город в XVII в. управлялся воеводою, назначаемым из Москвы. По приезде в город, воевода принимал крепость, бумаги, все зданья, запасы, оружье, деньги и списки служилых людей от предшественника. В своей деятельности он руководился полученными им при назначении наказомъ.

Воевода являлся высшею властью. Он ведал обычно: и военные дела, и поместные, и финисские, и судебныя, и поместныя (учет поместий, раздаваемых за службу), и разрядныя (всенние службы служилымъ людям), зводилъ городскими укреплениями и ходил в походы. За свою службу воевода получал жалованье и поместье. Многие селеня у нас в своем названни хрият прозвища эти воевод: Щетниковка, Олбладово, Бекленовка, Волынщина и др. Часто давались воеводам награды и ордера жалованья. Так воеводе Ушакову, бывшему в Михайлове во время осады его Сагайдачным (1618), велено дать в вотчину землю против земель Московских стрельцов, а к прежнему его окладу прибавлено 60 рублей и „ему же за тѣ службу дано у стола (двор) рубль алты жалованья на соболах, цена 108 рублей 8 алтын 3 деньги, да кубок серебрянъ походоченъ весомъ 2 гривенки (2 фун.) 26 зол.“. Несмотря на это, злоупотребления, злоупотребства и прихитки воевод, почти безъответственных, были очень сильны, вызывая справедливый ропот и жалобы. Иногда в Михайлов назначалась и два воевода, тогда один из них являлся вторымъ дела они вершили сообща.

Власть воеводы распространялась и на уезд (территория меньше, чем Михайловский уезд до 1924 г.). Воевода жил на восточном берегу, в городе. Присутственным местом была, как упоминается в городе (укрепление), с'бавля изба, называвшая также приказною. Приказная изба разделялась на столовую и кухню. Разные ремесла и промыслы. Число под'ячих (чиншников, занимавшихся для производства) было различно: в 1678 г. их числилось 5 чел. Они получали за службу жалованье немалое и помин о семье. Получив небольшое вознаграждение, они тоже старались покориться на счет тех, с кем приходилось иметь дела. Кроме под'ячих в избе были размазники для посылок по местным делам (от 4 до 10 ч.) и сторожи (2—3 чел.).

В подчиненности и распоряжении воевод были служилые люди, т. е. те, которые обязаны были государству военной службой и были прикреплены к последней. Служилые люди были 1) дворяне и дети боярские, составлявшие высший разряд и принадлежавшие к местным помещикам; 2) вышеупомянутые стрельцы, пушкари, артиллерия, поротники, язвники, составлявшие постоянное войско и 3) низшие служилые, в виде размазников и сторожей. Из среды служилых людей выбирались другие начальствующие лица, тоже подчиненные воеводам. Такими напр. бывали городовые, встречающиеся в Михайлове (напр. Гагнн 1624 г., Барышов Мв. 1629 г.). Их обязанность „укрепить осаду“, т. е. собрать ратных людей в город, расписать их по местам, учредить караулы, запереть ворота города и подобное; стрелецкий голова, камчатый голова, голова у „черкасов“, начальствовавшие над войсками укрепления, тоже подчинялись воеводе. В зависимости от воеводы находились и избранные начальники на посадских людей: земский староста, деловальники и нек. др., об обязанностях которых уже упоминалось отчасти.

Остановимся немного на посадских людях. Они все объединялись в одну общину, мир. На эту общину, как и на общину крестьянскую, падала по общей раскладке определенная сумма податей—тягло, почему и члены таких общин (крестьянских и посадских) назывались тяглыми. Среди посада жили и занимались торговлей, промыслами обыватели, не входившие в городское общество, а следовательно и не несшие тягло, которое всей тяжестью падало на посадских людей. Если в этом отношении разорение от смутного времени, частое бегство членов общины и добровольное их переход в „домовство“ к служилым людям, благодаря чему они лично, ничего не теряя, оставались от тягла, которое должны были взять остававшиеся, то можно представить тя-

всаде положенные посадских людей. В середине 17 в. городскими промыслами было запрещено заниматься не посадским людям, часть их промыслов была в руках, но эти те посадские промыслы были прикреплены к своему посаду; оно не могло перейти в крестьянское население и не могло даже переселиться в другой посад. А между тем тягло и налоги не уменьшались, а увеличивались в это время. Государственно вела в тяглом люди исключительно податную силу. С них берут и „длинные“ и „оброчные“ деньги, и ямские (на содержание им-почтовых станций), и помояничные (на выкуп из татарского и турецкого плена) и стрельчане (на содержание стрельцов) и др. Как велики были налоги, можно судить по следующей цифре: с 1679 г. налоги с посадов об'единились в один стрелский сбор, и в 1681 г. из 44 посадских дворов в Миняйском пайлаге сто 49 р. 20 копеек при большой тогдашней стоимости денег: рубль равнялся нашему 20—25 рублям (покажи, что четверть ржи даже через 70 лет, в XVIII в. стоила у нас 30 в.). Не свободно было посадское население и от других повинностей: поставки людей в войска, постройка и поправка городских укреплений, ответственность, б. ч. денежная, за выборных лиц. Если сюда прибавить отсутствие забот управления о развитии торговли и промышленности, уход богатых в „лучшие места“, насилие воевод и всяких сильных людей над покровом всеобщего закрепленного населения, то ясно будет ухудшение посадов и понятно будут причины их самого развития и запустения всаде, а также и в нашем городе.

Не лучше было положение и крестьян в усаде в это время. В XVI веке все землевладельцы на дворянские, собственность князя или царя, на государственные или черные и на вотчинные, составлявшие собственность или боярина, или дворянина, или монастыря, или епископа. Нуждались в служилых людях для разного военного дела, правительство начинает награждать их землей во владение: помещиком, пока человек сидит на месте, т. е. временно дает поместье, за службу. Сначала раздаются поместья на дворянские земли, а потом и на черные, особенно в слабо населенных местах, и „диком поле“, какою была и часть нашего усада. Крестьяне жили как арендаторы на этих землях и могли свободно переходить на другое место по исполнению договора. Свободный переход делал то, что многие земли заброшены, и государство, нуждавшееся в деньгах, ничего от них не получало. Не могли нести службу и те служилые люди, каковые не получали, т. е. без крестьян она и им ничего не приносила. По этой причине с конца XVI в. и начинается прикрепление

крестьян к земле, запрещение переходов с одной земли на другую.

В XVII века у нас в уезде мы видим такую картину, которая ясно говорит о том, что раздача земель уже почти закончена. Все села и деревни принадлежали уже помещикам. Среди них мы находим светских вотчинников, т. е. помещиков, которым земля принадлежит в наследственную ответственность (Гладино, Сивостово, Февяево, Машково, Окуново и др.); среди вотчинников туземных архиереев Рязанского, которому отдано в вотчину не мало селений (Гладино имс., Бабдики, Федоровское, Аланино, Борисовское и др.) и видим богатого вотчинника в лице Богословского монастыря, владеющего всеми селами и деревнями в районе, называемом сейчас Богословщиной (Захаровта, Пешадьшино, Павкино, Высовое, Катагоща, Воронья имс., Подлесное, Хавертново и много других), видим вотчинников и в лице других монастырей (Духовской и Рязань). Иногда землю в уезде или монастырь, когда он еще выходил из с. Аграфенна пустынь, под Рязанью (к нам он переведен в 1818 г.).

Другие селения и земли отданы были просто в поместья. В начале века еще писали про некоторые деревни „что были прежде того в государственных селах“, а в конце и упомянуть об этом перестали: помещик сидел уже везде, и было их очень много. В писцовых книгах и др. памятниках мы почти везде находим свидетельство за это. Машково в начале 17 в. значится уже „за вдовую за Ографенною за Федоровною женою Исайясоном с детьми“, Сивостово „за столынки за Тимофеем да за Иваном за Васильевича Измайлова“, Внуково „за Микиткою Васильевичем сыном Солоса, да его племянником Матюшкою 5 лет“, Анниво „за князем Степаном князь Никитиним сыном Гагарина“, и так расписаны все села и все деревни. В этих селениях уже встречаются 2 и 3 помещика, а в некоторых и того больше. Ст. Каркино в конце 17 в. числится за 70 владельцами, с. Боярицево сплошь заселено было детьми боярскими, откуда и название селца, в районе с. Татарского на 73 дворов 37 детей боярских, в районе Свечей на 59 дворов детей боярских 12 дворов, в районе Машково на 107 дворов крестьян 20 дворов помещичьих и т. д.

На ряду с раздачей земель, происходит и прекрепление крестьян не только к земле, но и к владельцу этой земли. И к концу века „крепостное право является со всеми атрибутами неограниченной власти человека над человеком“. Этот процесс закрепощения встречал, конечно, противодействие. Смутное время прервал этого. Этот же протест, на ря-

ду с обеднением крестьян от всяких войн и тяжестью налогов, заставляла крестьян бежать с земель. Бежали в город. В приравочной книге 1616 г. про Синцово напр. пишется, что многие крестьяне „живут на Михайлове городе по боярским двором во дворниках и за полами на церковных землях“; бежали и к другим помещикам, где ожидали лучшего. Про поместье Толкачев в Н. Кирьяне в переписной кн. 1646 г. говорится, что на его стороне „двор пуст крестьянина Першка Петрова сына Кривкина с пасынки с Давыкою да с Алферком, а Першка да с пасынки бежала в прошлом 151 г. (1643 г.) за Ондreja Васильева сына Володиского“. И таких случаев не мало. Бежали все эти Ваньки, Сеньки, Алферки, как называли крестьян тогда в официальных бумагах, и на восток и юго-восток, на новые земли. Это еще одно и наиболее важное обстоятельство, влиявшее и на экономическое оскудение нашего края и на убыль населения в нем. Вот еще почему так часто встречаются в письменных памятниках XVII в. упоминания о „пустошах“, которые раньше были селами и деревнями. Существовавшие селения были малочисленны; так в начале 17 в. в Лукках упоминается всего 13 дворов, в Помозове—5 дворов, в Захаровке—17, в Собавине—8, в Токареве—13, в Плахине около—20 и т. д. Много деревень и сел, какие сейчас существуют, тогда и в помине еще не было: они образовались уж значительно позднее—вXVIII и начале XIX в. в.

Таким вступил в XVIII век наш город и окружающий его район.

П Р И Л О Ж Е Н И Е I.

Краткое описание исторических мест и некоторых архитектурных памятников прошлого, находящихся в пределах б. Михайловского уезда.

1. С. Печерники. Раньше было городом. Время возникновения неизвестно, но упоминается в летописных памятниках на границе XVI и XVII в. в. Из справочных книг 1616 г. и из описи 1677 г. видно, что в Печерниках существовала острог (дерев. укрепление) длиной до 202 саж., под острогом пруд и ров глубиною до 2, а шириною до 4 саж. По стенам острога имелось 4 глухих башен и проезжая с Никольскими воротами в сторону Михайлово. Против ворот имелся мост на столбах. За острогом—слободы: 2 стрельбных, Камчатка—Калтовская и Пушкарская—Затинная. Около острога 3 деревни. В 1677 г. имелось: 44 стрельца, 34 казака, 13 пушкарей, 2 воротника, 2 казен. сторожа, 10 раземальщиков, 8 солдат выборного полку и воссужения; 7 разных пицалей (пушек), 32 пуда свинца (пороху), 23 п. свинца и ядра для пицалей. Печерники не раз разорялся татарами, сожжен был в смутное время. Существовало сказочное предание, что Печерники основаны князем то князем Печурой, от которого и получила свое имя. Не далеко от Печерников интересна гора „Улыба“ (Кат.-Гегарини).

При Петре I Печерники был сделан уездным городом, а в 1778 г. обращен в село Мих. у. Кроме пруда, слободы немиков на рог и названий слобод сейчас других остатков старины не имеется.

2. Городище близ с. Жаккино. Городище и недалеко от Позарова и д. Городецкие выс. Сравнительно хорошо сохранилось. Лежит на крутом левом берегу р. Жраки, форма четырехугольная, но с одной стороны (юго-восток) дугообразная. Три вала и три рва, глубина внутр. рва до 3 $\frac{1}{4}$ саж.; в сторону реки имеется котловина, напоминающая пруд; с поверхности городища до дна этой котловины около 5 саж. Две ворот. (с.-в. и ю.-в.) глубиною до 3 $\frac{1}{4}$ саж., третьи ворота на н. ю.-в. заметны слабо. Периметр внутри до 200 с., снаружи около—390 саж. Последний ров городище не осталось. Против Городища на большой дороге в гор. Рязань на Михайлово заметен стертый уас временем курган. Там найдены костики людей, оружие.

Не так давно и в городище случайно была найдены собла и се ира.

3. Городище близ д. Лубянки, на берегу реки Жира и впадающей в нее речки Лубянка. Недалеко сама Жира впадает в Прону. Городище округлой формы, более вытянуто с вост. на зап. (285 саж.) и менее—с сев. на юг (до 165 саж.). Вал и ров со всех сторон от времени приняла неправильный и изогнутый вид. Три ворот (до 3 $\frac{1}{2}$ саж. ширины, ров—до 1 $\frac{1}{2}$ саж. глубины) к Жире (на юг и юго-запад) крутой обрыв до 5 саж. Почти посередине городища имеется невысокий курган овальной формы (12 саж. в 15 саж.), за рвом на юго-западе тоже заметен курган (10 саж. в 12 саж.) В городище одно время были найдены обгорелые зерна пшеницы в ручейке жернок. Встречаются черепки от глиняной посуды, судя по ornamentам древнего типа.

4. Городище недалеко от с. Ижаслав, четырехугольной формы, с тремя валами и рвами с трех сторон, четвертая—круто спускается к р. Проне. Длина периметра до 800 с., глубина, ров до 90 с., выс. вала до 1 $\frac{1}{2}$ с. Три ворот. Находится кресты, некоторые медные и железные вещи. Не так давно выкопано крестьянами 2 больших дуба. Предполагают, что здесь существовала упоминаемый уже гор. Ижаслав.

5. Городище недалеко от д. Мельгузовки и с. Осова, на берегу Осостра, вблизи речки Пачога. Городище небольшое, круглой формы, значительно разрушенное временем. Недалеко имелась курганы—могильники, где производились раскопки. Результаты раскопок находятся в Ряз. Обл. музее.

6. Курганы (?) близ с. Б. Коронина. Высокие (до 7 саж.) в окружности до 30 саж. Возможно сторожевые при Вохосой задеке. Крестьяне объясняют, что их насыпал, чтоб увидеть Москву; также говорит, что их насыпан для того, чтоб между и приваичку лучше было наблюдать за работой крепостных крестьян. Интересно, что старики объясняют происхождение назв. Большого Коронина, от от другого назв.: „Большая Кровь“, говорящего о боишей здесь битве.

7. О городищах говорит название Пронс-Городище или Мочнальское городище, д. Красное городище (слабые остатки заметны), д. Городище в Больше-Коронинской вол. и в последнем месте упоминаются в начале 17 в. урочища „Стар-Город“ и „Князь гать“.

8. Курганы еще имеются: неподалеко от с. Котасоц (Повод. вол.) в д. Рудьво и Воронка (Б. Корон. вол.), неподалеку от д. Бекленевки.

9. Архитектурных памятников предполог и уезде очень немного, особенно гражданских. Самые древние—это церкви в с. Мошках (1697 г.) и в с. Высоком (17 век). Все осталь-

ные—18 и 19 веков. Отметим в городе церковь Монастырск (1756 г.), Черкасскую (1776 г.), податную избу (в саду Пожарного общ., середина 18 в.), из гражданских архитектурных памятников интересна усадьба в с. Красном, построенная в 18 в. для фаворита Екатерины II—Ермолова; предпологают, что усадьба дело рук известного архитектора Баженова.

П Р И Л О Ж Е Н И Е 2.

Краткое пояснение специальных терминов в тексте не объясненных.

1. Бобыль—крестьянин, не имеющий своей паши. Жили они и на черных, и на дворовых, и церковных, и помещичьих землях.

2. Городища—так называются у нас и в нек. др. славянских землях остатки быв. городов, укреплений, святых мест. Обычно обозначены они валами и рвами. Форма различная: часто встречаются четырехугольные, иногда треугольные и круглые. Величина городищ самая различная, от самой незначительной до 15 и более десятин. Иногда городищ нет уже, но о существовании их говорят названия селений: Городища, Городок, Городня и т. п.

3. Жилецкие люди—жители городов и селений, платившие подати и занимавшиеся торговлей, ремеслами и земледелием.

4. Книги: а) писцовые, составлявшиеся в XVI и XVII в. в особыми писцами; содержащая подробные сведения о всех землях и угодьях и даже постройках в городе и уезде. Цель—налоги.

б) Приправочные, время от времени составлялись на предмет изменений тех изменений, какие получались после составления писцовых книг.

в) Переписные, в них перечислялись все люди, составлявшие тягало или податное сословие с указанием лет.

г) Платежные, заключали в себе извлечения из писцовых книг для определения платежей, иногда и для других целей.

д) Разрядные книги или разряды, в них отмечалась служба и размещение служилых людей.

е) Дворцовые книги или разряды, в них отмечалась служба при дворе царя.

5. Стан—административная единица, существовавшая прежде на ряду с волостью. Михайловский уезд (до 1924 г.) образовался из стана Моржанинского, части стана Окассородинского (прибл. соврем. Поповынского вол.) и части стана Кобылянского (прибл. часть соврем. В. Коронниковой вол.).

6) Стольники, одно из званий (чинов) военно-служилого класса, т. е. класса обязательного служения. Из него образовалось дворянство. Он вообще делился: I чины думные—боляре, окольничьи, думные дворяне, II чины столычные—стольники, стряпчие, дворяне московские, ямщики, III чины городовые или провинциальные—дворяне и дети боярские. Эти служилые люди по „отчистку“, т. е. по происхождению, в то время, как стрельцы, пушкарки, казаки и т. д., выбрасываемые из разных классов, были служилыми людьми низшими, „до прибору“.

7. Тягачи, т. е. люди пахотные тягло (всадить). К ним принадлежали посадские чины, крестьяне черные, дворники и крепостные, боярши.

8. Целовальники—выборные должностные лица из тягачей, принимавшие подать, т. е. целовавшиеся крестьяне. Они помогали собирать налоги, оброки и т. д.

9. Холопы—неисходные люди, находившиеся в личном „подданстве“ у высших классов. В то время, когда служилые и тягачи люди были свободны и несли обязанности государству службой или налогами, холопы не несли ни каких повинностей и принадлежали, как собственность, своему господину. Холопство было изстаро. Ради его потом возманилась и свободными людьми за займы, отдававшими в холопы, как желавшими освободиться от тяжелых повинностей государству.

Отметим еще не всешие звания повинностей, но бывших свободными, людей „вольных“ или „гулящих“.

